

Москвичева Е. А.

[СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 109-112. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список использованной литературы

1. Баратынский Е. Мадона // Баратынский Е. Стихотворения. Проза. Письма. - М., 1983. - С. 99-101.
2. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. - СПб.: Азбука-классика, 2001. - 512 с.
3. Библиотека для чтения. - 1836. - XVIII. - Ч. 1 (раздел «Литературная летопись»). - С. 56-66.
4. Веневитинов Д. В. Италия // Веневитинов Д. В. Стихотворения. Проза. - М.: Наука, 1980. - С. 67.
5. Гоголь Н. В. Италия // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. - М.: Русская книга, 1994^а. - Т. 7. - С. 9.
6. Гоголь Н. В. Письма // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. - М.: Русская книга, 1994^б. - Т. 9.
7. Гоголь Н. В. Рим // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. - М.: Худ. лит., 1977. - Т. 3. - С. 177-214.
8. Загоскин М. Н. Белое привидение // Русская романтическая повесть: первая треть XIX века. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. - С. 400-406.
9. Кюхельбекер В. К. Последний Колонна // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. - Л.: Наука, 1979^а. - С. 519-568.
10. Кюхельбекер В. К. Путешествие // Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. - Л.: Наука, 1979^б. - С. 7-63.
11. Одоевский В. Ф. Opere Del Cavaliere Giambattista Piranesi // Одоевский В. Ф. Повести. - М., 1987. - С. 49-59.
12. Паперный В. Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя // Гоголь и Италия: Материалы Международной конференции. - М.: РГГУ, 2004. - С. 113-128.
13. Полевой Н. А. Блаженство безумия // Русская романтическая новелла. - М.: Худож. лит., 1989. - С. 167-213.
14. Полевой Н. А. Живописец // Полевой Н. А. Мечты и жизнь. - М., 1988. - С. 19-132.
15. Раевский А. Дрезден и его окрестности // Вестник Европы. - 1821. - № 13. - С. 12.
16. Станкевич Н. В. Несколько мгновений из жизни графа Т*** // Станкевич Н. В. Избранное. - М.: Сов. Россия, 1982^а. - С. 68-83.
17. Станкевич Н. В. Из переписки // Станкевич Н. В. Избранное. - М.: Сов. Россия, 1982^б. - С. 86-222.
18. Хожение на Флорентийский собор Неизвестного Суздальца // Книга хождений. Записки русских путешественников XI - XV вв. / Сост. Н. И. Прокофьев. - М.: Сов. Россия, 1984. - С. 137-151.
19. Хорват К. Романтические воззрения на природу // Европейский романтизм. - М.: Наука, 1973. - С. 204-252.

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ОЦЕНКИ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ

Москвичева Е. А.

Волгоградский государственный педагогический университет

С античных времен существуют десятки определений понятия «ценности», различающиеся в деталях. Большинство ученых характеризуют содержание понятия «ценности» через выделение ряда признаков, свойственных всем формам общественного сознания: значимость, нормативность, полезность, необходимость, целесообразность [Анисимов 1988; Ивин 1970, 1997; Кирьякова 1996; Rescher 1982].

Система ценностей, характеризующая данное общество или определенную культурную среду, представляет собой результат той духовной работы, которая осуществляется всем обществом.

В зависимости от обширности сферы их значимости в социуме данные ценности можно подразделить на общечеловеческие, национальные (этнические), групповые и индивидуальные. К общечеловеческим ценностям относятся ценности, которые признаются наибольшим количеством людей во времени и пространстве. К ним относятся важнейшие житейские истины и нормы нравственности.

Национальные ценности занимают важнейшее место в жизни любого народа и отдельно взятой личности как представителя культуры своего народа. В отличие от общечеловеческих ценностей они более конкретны и материализованы. В них отражена специфика культуры народа. Групповые ценности есть сумма норм поведения для определенной группы людей (интеллигенции, профессиональной группы). Индивидуально-личностные ценности включают предметы и идеи, особенно близкие отдельному человеку. Они могут быть взяты из окружающей его социо-культурной среды или созданы в результате работы над самим собой [Мамонтов 1995].

Фразеологизмы имеют непосредственную связь с категорией «ценности», в них представлены все три формы существования ценностей.

Во-первых, фразеологические единицы как продукт духовной деятельности являются объективированной ценностью культурного наследия народа.

Во-вторых, во фразеологизмах закреплены общечеловеческие, этнические, групповые ценности, отражающие представления о должном в различных сферах общественной жизни. Главенствующее положение занимают абсолютные ценности: жизнь '*Жизнь прожить - не поле перейти*'; любовь '*Где любовь, там и согласие*'; знание '*Знание - сила*'; счастье '*Всяк человек своего счастья кузнец*'; семья '*Детишек воспитать - не курочек пересчитать*'; дружба '*Друга на деньги не купишь*'; добро '*Доброе дело само себя хвалит*'; бог '*На бога надейся, а сам не плошай*'; труд '*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*'; родина '*Каждому свой край сладок*' и др.

Придерживаясь «широкого» понимания фразеологии, мы считаем, что фразеология вместе с паремиологией образуют единую сферу идиоматики. Как известно, данная точка зрения характерна для многих отечественных и зарубежных исследователей (см. [Шанский 1969]; [Киршова 2001]; [Burger, Buhofer, Sialm 1982]; [Sandig 1994] и др.).

Под паремиологией мы понимаем совокупность устойчивых высказываний, относящихся к малым фольклорным жанрам: в первую очередь это пословицы и поговорки, а также афоризмы и крылатые слова, загадки и прибаутки и т.п.

Во фразеологизмах также отражено негативное отношение к антиценностям, осуждается нарушение нравственных норм: *'Кто не учен, тот глуп. Неграмотный - что слепой'*.

В-третьих, фразеологические единицы, проходя стадию личностного присвоения в сознании отдельного индивидуума, становятся носителями лично значимых ценностей, определяющих мотивацию поведения человека. Фразеологизмы встраиваются в структуру языковой личности, устанавливая ценностные отношения между элементами картины мира данного человека.

Фразеологизмы являются единицами языковой личности, в них отражены ее базовые ценности. Они являются средством вербализации этих ценностей в речи.

Так или иначе, язык входит в жизнь каждого человека. Такая тесная причастность языка в жизни человека, проникновение практически во все сферы его деятельности обусловили специфические особенности фразеологического фонда. При этом следует отметить, что фразеологизмы зависят от процесса исторического развития общества.

Во фразеологических единицах как в зеркале отражаются сменяющие друг друга общественные формации. Единственно неизменным остается ценностная шкала, на которой зиждется нормы общества. Без оценки невозможно существование.

Фразеологический фонд является одним из самых интересных объектов исследования. В ее единицах мы можем наблюдать жизнь любого государства, спектр ценностей конкретного человеческого общества на данном витке развития. Таким образом, процесс формирования фразеологизмов тесно связан с историческими событиями, взглядами человеческого общества.

Как уже отмечалось, наше исследование касается такой специфической особенности фразеосочетаний, как оценка. Для того чтобы выяснить возможность и причины ее наличия во фразеологизмах, необходимо обратиться к "преданьям старины глубокой", необходимости рассмотреть языковую ситуацию того времени, откуда берет свое начало складывающаяся фразеологический фонд.

Приступая к проблеме образования фразеологизмов в русском языке, возможным фундаментом, базой для образования фразеологических единиц явился язык, сложившийся, на более глубокой системе понятий, принадлежавший праславянской культуре, как миф, ритуал, поэтика, социальные структуры, экономические понятия.

В. П. Адрианова-Перетц в своем труде "Древнерусская литература и фольклор" (с. 11) также отмечала богатство лексики дописьменного русского языка, его **устоявшуюся фразеологию** в области военной, юридической и дипломатической практики. При этом в самом деловом языке Древней Руси, писала она, непосредственно ощутима "выразительность устного поэтического языка" [Виноградов 1978: 116].

В связи с рассмотрением данной проблемы важно обратить внимание на высказывание С. Д. Лихачева, который подчеркивает, что в деловой письменности нередко встречаются выражения образные и даже философские: *куда моя рука ходила, чтобы свеча не погасла* (чтобы род не угас) [Филин 1981: 243-244].

Развитие тесных культурно-политических связей с Византией и Болгарией, в особенности после утверждения христианства в качестве государственной религии, способствует коренному изменению социально-языковой ситуации. Значительно расширяются функции письменности, и возникает собственная литературно-письменная традиция [Горшкова, Хабургаев 1981: 200]. Таким образом, официально-деловой язык явился одним из непосредственных источников складывающегося литературного языка, а также стал непосредственной базой формирования фразеологизмов.

Именно общеупотребительная лексика явилась базой его формирования и дальнейшего пополнения. Вследствие этого не может быть полного освобождения языка от оценочной лексики, входящей в его состав (*кознь, обида, резоимство кровавое, лиходеи*), что и определило оценочный характер древней фразеологии.

Таким образом, тесная генетическая связь фразеологизмов со словами общего употребления предопределила возможность и даже необходимость использования слов, содержащих оценочный компонент: *срам, преобидити оуставъ* и др. Язык накапливал опыт отражения живой речи и живой жизни.

Литературный язык подвергается более заметному влиянию разговорной речи, которая, проникая в него, нарушает его строгую регламентацию, привнося с собой живую струю образности и оценочности.

Говоря о состоянии русского литературного языка той поры, А. И. Соболевский отмечает, что домонгольская эпоха истории его развития есть эпоха отсутствия общерусского литературного языка, эпоха совместного сосуществования нескольких местных литературных языков, что нашло свое отражение и в состоянии языка той поры.

Исследователи отмечают, что одним из постоянных признаков языка является также незначительность диалектной окраски языковых элементов [Ларин 1985: 89], что в свою очередь свидетельствует о естественном наличии оценочных слов в его составе. Полного освобождения от диалекта не могло быть вследствие тесной связи литературного языка и живой разговорной речи.

В этой связи А. И. Соболевский подчеркивает, что северо-восточная Русь вошла в монгольский период с несколькими деловыми языками. Новгородский деловой язык был выразителем живого новгородского говора, московский - московского, псковский - псковского, что лишний раз свидетельствует о теснейшей связи

языка с общеупотребительной лексикой. Данная связь, как было отмечено выше, и является одной из главных причин наличия оценочного элемента в формирующемся древнерусском языке.

Говоря о причинах изначального присутствия семы "оценка" в древнерусских лексических пластах, необходимо отметить существование системы ценностных морально-культурных понятий определенного общества, складывающейся столетиями в данном социуме, впитывающая в себя характер, культурные особенности, мораль, традиции и обычаи этого народа. В большинстве случаев оно не поддается воздействию извне.

Такое же положение сложилось и в Киевской Руси. Уже в X-м веке, в эпоху договоров русских с греками, русским становились известными нормы поведения, руководящего гражданской жизнью греков.

В этой связи Ф. П. Филин, в частности, пишет: "Если бы мы могли прочитать все деловые документы (включая приходно-расходные книги монастырей XV-XVI вв., оригинальные и переводные), то увидели бы бесконечное разнообразие в использовании разного рода заимствований. В то же время для нас было бы несомненным, что в целом язык деловой литературы является русским во многих его особенностях всех уровней" [Филин 1981: 280].

Все это свидетельствует об исконном характере лексики древнерусского языка, что также объясняет наличие в данной области оценочных слов. Таким образом, исконная лексическая среда, в основном свободная от чуждого влияния, явилась основным фундаментом для проявления элемента оценки в русских лексических пластах той поры: *замятня* - восстание; *мздоиматель* - взяточник.

Необходимо отметить также громадную роль христианства в формировании лексикологии. Именно по принятии христианства древнерусская лексика приобретает свои четкие и характерные черты, при этом происходит сдвиг в оценке определенных понятий, существовавших издревле в языческой Руси.

Понятия добра и зла существовали, естественно, и в языческие времена, но воспринимались они иначе. Основание языческого мировоззрения покоится на утверждении, что добро и зло есть два самостоятельных, равнозначных, извечных начала бытия мира. Мерилом дел и поступков не может быть в таком случае нравственный идеал, воплощенный в Евангельских заповедях и церковном предании. Человек сам по себе есть мера всего, и "естественные" человеческие порывы не подлежат "лицемерному" осуждению.

Несомненно, такое мировоззрение нашло отражение в языке, оно оставило свой след в языке некоторых древних былин и сказаний, где, к примеру, месть является благородным, справедливым деянием. С принятием христианства все языческие ценности были кардинально переосмыслены, что не могло не отразиться в языке.

Таким образом, древнерусская лексика базировалась на сложившихся в средние века категориях Бога, добра, правды, зла. Четкое отражение закона, данного Богом, во всем, чем должен руководствоваться человек в своих действиях, неизменно усиливает оценочный компонент в семантике фразеологии.

При рассмотрении особенностей московского языка, необходимо отметить, что он впитал в себя все характерные черты языка эпохи Киевской Руси, являясь полноправным его преемником. Исконная лексика, богатая оценочным элементом, явилась базой для формирования московского языка.

Тесное сближение письменной и разговорной речи усиливается в деловом языке в Петровскую эпоху, когда целый поток просторечных элементов проникает в речь. Такая языковая ситуация складывается под воздействием определенных исторических условий. В тот период на первый план выходят люди третьего сословия. Разговорный язык получает широкий доступ в письменность [Ларин 1975: 258], что также объясняет причину существования оценочной лексики в языке.

Таким образом, основу делового языка Петровской эпохи составила общеупотребительная лексика, которая и привнесла с собой оценочный элемент в семантическую структуру фразеологизмов (*безделье* - незаконные поступки, поведение, *болванохвальство* - идолопоклонство; *законоломец* - нарушитель закона, творящий беззаконие) (Словарь русского языка XVIII века).

Исследование содержательной стороны фразеологической единицы невозможно без исследования формальной стороны выражения. Таким образом, при рассмотрении вопроса о присутствии оценки в литературных текстах, необходимо коснуться вопроса о средствах выражения оценочности. При этом необходимо отметить, что так как фразеологические единицы - это прежде всего языковые единицы, то оценка выражается в них общими средствами, присущими всем лексическим единицам:

- 1) оценка содержится в денотате термина (*гибель, обида, мировая*);
- 2) оценочный компонент, хотя и менее отчетливо, но выражается посредством оценочного аффикса (*бояришка, беззаконие*); суффиксы в большинстве своем уменьшительные, но сама уменьшительность указывает на некоторую недостаточность предмета: *великий боярин - бояришка*;
- 3) оценка заложена в одном из компонентов фразеологического сочетания (*лукавый человек, проклятая грамота, люди добрые, пакость делать*).

Как уже неоднократно отмечалось, именно общеупотребительная лексика явилась основой для формирующейся древнерусской фразеологии.

Таким образом, исконное значение общеупотребительного слова/словосочетания является тем фундаментом, на котором строится новое значение. При этом оценка меняет свой фокус, но не исчезает.

Итак, древнерусские фразеологические единицы формируются на базе общеупотребительной лексики, которая и привносит оценочность. Фразеологизмы в своем большинстве представлены исконной лексикой, что также объясняет наличие оценочного элемента в семантике целого ряда языковых единиц, так как ис-

конный характер данных единиц способствует более четкому проявлению оценки в семантической структуре фразеологизмов.

Аксиологический характер фразеологии предопределяет необходимость наличия именно оценочной лексики в языковых единицах. Представляется несомненным тот факт, что именно присутствие оценки в значении общеупотребительного слова обуславливает его переход в разряд фразеологических единиц.

Коммуникативные отношения непосредственно отражаются в жизни каждого человека и в жизни общества в целом, что, несомненно, находит свое отражение и в языке. Столь тесное соприкосновение лексики непосредственно с каждым членом общества обуславливает употребление родных, понятных слов, т. е. общеупотребительной лексики, как уже неоднократно отмечалось, что и предопределяет обязательное наличие оценки в семантике фразеологических единиц.

Список использованной литературы

1. **Виноградов В. В.** История русского литературного языка: Избранные труды. - М., 1978.
2. **Ларин Б. А.** Лекции по истории русского литературного языка (X-сер. XVIII вв.). - М., 1975.
3. **Макшанцева Е. А.** Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина: Дисс. канд. филол. наук. - Саратов, 2001.
4. **Норман Б. Ю.** Когнитивные аспекты паремииологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. - М., 2004. - Вып. 2.
5. **Русские народные загадки, пословицы, поговорки** // Сост., авт. вступ. ст., коммент. и слов Ю. Г. Круглов. - М., 1990.
6. **Филин Ф. П.** Истоки и судьбы русского литературного языка. - М., 1981.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ (КРА) СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТРИЦАНИЯ

Мостовая Л. А.

Московский педагогический государственный университет

Косвенные высказывания «в самом общем виде характеризуются расхождением формы (синтаксического, графического и отчасти просодического оформления) и коммуникативной направленности» [Поспелова 1988: 141].

Мы присоединяемся к сторонникам широкой трактовки вопроса о косвенных речевых актах, которые относят к числу косвенных все высказывания, где наблюдается любое несовпадение между формой и иллокутивной функцией (см. работы [Серль 1986], [Шатуновский 2004]).

КРА имеет не ту иллокутивную цель, которая соответствует его синтаксическому оформлению:

(а) *У нас картошка кончилась.* - (б) *Ладно. Куплю еще.*

(а) *Время 11 часов.* - (б) *Все, иду спать.*

В приведенных диалогах за повествовательными по форме высказываниями (а) скрывается побуждение, и именно как побудительные они воспринимаются слушающим, о чем свидетельствуют ответные реплики (б).

Другой пример:

- *А где Вася Иванов?* - *Он заболел.*

Языковое значение вопросительно-относительного местоимения *где* - это своего рода переменная, область определения которой является множество местонахождений, а ответ, который должен указать конкретное значение этой переменной, не содержит никакой информации о местонахождении Васи Иванова, (однако) этот ответ, вопреки очевидному языковому несоответствию заданному вопросу, рассматривается как вполне корректный [Кобозева 2000: 15].

КРА составляют важную характерологическую черту русского разговорного синтаксиса. Разговорная речь изобилует косвенными высказываниями:

- *Ты деньги получил?* - *Какие деньги? Зарплата только в понедельник.*

- *Зайди справа.* - *Да какая разница!*

- *Где мои ключи?* - *Откуда я знаю?*

Подробнее остановимся на **вопросительных КРА со значением отрицания**. В логико-семантическом плане такие КРА, выражая формальный вопрос, в котором нет грамматически выраженных показателей отрицания, однако содержит отрицательный смысл:

Кто мне поможет? (= 'Мне никто не может помочь')

Какой это врач? (= 'Это не специалист')

Ещё Дж. Серль подчеркивал, что хотя КРА не являются идиомами, тем не менее, они идиоматичны [Серль 1986: 206]. Большинство КРА представляют собой фразеологизированные вопросительные предложения риторического характера. Налицо лексико-семантическая ограниченность их употребления (см. [Кайгородова 1999: 170]), ср.: